

Смеркалось. Когда Гу Чэньюй вернулся, солнце уже скрылось за двором. Он занёс в дом бамбуковые сита с лекарственными травами, а измельчёнными остатками духовных трав покормил кур.

Открыв дверь, он увидел Фу Сыюаня, сидевшего на краю кровати. В его чёрных глазах словно клубилась тушь, а неподвижный, почти пустой взгляд намертво прилип к Гу Чэньюю.

Гу Чэньюй улыбнулся совершенно естественно, показав два острых клычка, и весь сразу стал похож на обычного беззаботного подростка.

— Проснулся? Я только с горы спустился. Есть хочешь? Сейчас приготовлю две пампушки на пару.

Фу Сыюань не ответил. Глаза оставались пустыми, словно он попал под действие миазмов.

Гу Чэньюй подошёл на два шага и помахал ладонью у него перед лицом, но вместо ответа Фу Сыюань поймал его за руку.

— Чэньюй.

Словно лишившись сил, Фу Сыюань прижался лбом к его боку. Дышал он часто, и тёплое дыхание проходило сквозь тонкую ткань одежды.

Гу Чэньюй опустил голову. Щека Фу Сыюаня прижималась к его животу, а низкий дрожащий голос был полон такой печали, что трудно было подобрать слова.

— Чэньюй.

А Гу Чэньюй, наоборот, пришёл в восторг.

— А-Тан?! — Он взял Фу Сыюаня за плечи, и в глазах вспыхнула неподдельная радость. — Ты тоже вернулся, да?

□Нани? Тут ещё один мастер?!□

Фу Сыюань кивнул и по-юношески неловко снова обнял Гу Чэньюя за талию, закрыв глаза и ничего не говоря. Гу Чэньюй с отеческой нежностью потрепал его по голове, испытывая почти что радость от встречи отца с потерянным сыном.

— Что такое? Снова превратился в маленького молчуна?

Фу Сыюань глухо отозвался, голос был чуть хриплым:

— Нет.

Гу Чэньюй очень давно не видел его таким. В его воспоминаниях Фу Сыюань обычно был благородным, холодным и сдержанным молодым господином, который вечно держал безупречную осанку и почти ни на кого, кроме самого Гу Чэньюя, не достаивал взгляда.

— Ай, а таким молчуном ты даже жалкий и милый.

Юноша с улыбкой потискал его за ухо, потом за шею. Радость от встречи со старым другом трудно было выразить словами.

Прекрасно, это прежний брат. Знакомый человек — чудесно, знакомый человек — просто замечательно. А то он как раз переживал, где взять удобного помощника.

Брат, ради моего будущего тебе придётся немного потерпеть.

Сейчас Фу Сыюань, вероятно, как раз скрывался от преследователей из города Уван.

Уван был самым богатым городом Крайнего Севера. О нём говорили: «Нефритовые экипажи нескончаемо катят мимо княжеских усадеб, золотые плети одна за другой мелькают у домов знати». Отсюда туда было чрезвычайно далеко — даже на летающей лодке три дня и три ночи. Культиваторы стадии Золотого Ядра встречались там повсюду, почти каждый носил при себе сокровища. А где люди и богатства, там неизбежны интриги и заговоры; грязь, творившуюся в том месте, словами не опишешь.

Такой город мог проглотить человека целиком и даже костей не выплюнуть.

Мать Фу Сыюаня, госпожа Хо, изначально была рабыней. Из-за её красоты на неё положил глаз старый владыка города. Слеплённый желанием, он принудил её. Добрая госпожа Хо, обнаружив беременность, не смогла избавиться от ребёнка, но и покориться владыке не захотела. Она бежала одна. Жестокая жена владыки не собиралась её отпускать, и в результате глубоко беременная госпожа Хо родила Фу Сыюаня преждевременно прямо во время бегства и умерла от тяжёлых родов.

С самого рождения Фу Сыюаня считали незаконным отродьем. Лишь кровь старого владыки позволила ему кое-как выжить. Его превосходные врождённые корни полностью разрушили, а голос отравили так, что он лишился голоса.

Позже Гу Чэньюй вылечил его горло и восстановил корни, но прежнего совершенства вернуть так и не удалось.

Разумеется, всё это относилось к прошлой жизни. Сейчас положение Фу Сыюаня было намного, намного лучше.

Голос цел. Гу Чэньюй прижал большой палец к запястью Фу Сыюаня — корни тоже целы. Ранен он тяжелее, чем прежде, но уже принял Малую Восстанавливающую Пилюлю, так что жизни ничто не угрожало.

Чем дольше Гу Чэньюй проверял, тем довольнее становился.

— Мы оба пережили смертельную беду. Значит, впереди нас ждёт большая удача!

— Кстати, у тебя в голове нет ничего странного?

— Странного?

— Ну... кхм... какой-нибудь остаточной души, которая без умолку болтает и включает адскую музыку.

Фу Сыюань покачал головой.

— Тогда ты голоден? Я вот немного проголодался.

Фу Сыюань отпустил его и негромко ответил:

— Я почти достиг состояния бигу. Чэньюю не нужно обо мне хлопотать.

— Бигу? — Гу Чэньюй настороженно прищурился. — Тебе сейчас, как и мне, шестнадцать. Ты уже на Золотом Ядре?

— Всего лишь едва достиг Основания Фундамента.

— Основания... Какой ступени Основания? — моргнул Гу Чэньюй и осторожно уточнил.

Фу Сыюань наконец проявил немного сдержанной гордости. Опустив взгляд, он костяшкой пальца начал писать знаки на ладони Гу Чэньюя. Было щекотно.

— Полшага до полного завершения.

— Ты... в шестнадцать лет на девятой ступени Основания Фундамента?!

Гу Чэньюй почувствовал, что аппетит пропал. Он глубоко вдохнул. Собственная неудача, конечно, печальна, но успех брата почему-то ранит ещё сильнее.

Да брат уже почти на две улицы вперёд его обогнал! Нет, так не пойдёт.

— Тогда... тогда когда ты переродился?

Фу Сьюань на мгновение замер.

— Год назад.

На лице Гу Чэньюя медленно возник огромный вопросительный знак. По идее, он умер намного раньше Фу Сьюаня. Почему же тот переродился раньше него? Разве это логично?

Лицо Фу Сьюаня оставалось спокойным. В чёрных глазах что-то мелькнуло, и он мягко сказал:

— Чэньюй необычайно одарён. В будущем ты непременно превзойдёшь меня.

Сомнения у Гу Чэньюя остались, но пока он решил их не поднимать. Услышав похвалу, тут же расплылся в улыбке.

— Верно.

Юноша почесал голову и поднял большой палец.

— Правильно говоришь. Какой проницательный человек.

— Не волнуйся, я и дальше буду тебя прикрывать. Хороший брат есть хороший брат!

В комнате будто стало на пару градусов холоднее. Гу Чэньюй вдруг почувствовал, как по спине прошёл озноб, и втянул голову в плечи.

— Окно не закрыто? Что-то прохладно...

Он потёр ладони. Они сели рядом.

— Я вспотел, пойду во дворе ополоснусь. Кровать у меня одна, сегодня ночью потеснимся.

— У тебя раны, так что воду не трогай.

Стояла поздняя весна. Холодно не было, скорее душно. Гу Чэньюй вытащил из колодца полное ведро воды, повесил на шею полотенце и приготовился как следует обмыться. Эта привычка осталась с прошлой жизни: после вступления в секту он ежедневно купался в духовном источнике и теперь не мог прожить без мытья ни дня.

Сделав Фу Сыюаню наставление, он снял верхнюю одежду и подошёл к колодцу. Оба мужчины — чего тут стесняться.

В шестнадцать лет Гу Чэньюй был ещё худощавым и плохо откормленным подростком. Фигура казалась тонкой, плечи — узкими. Лицо сохраняло юношескую мягкость, но уже было очень красивым, а ясные глаза сияли живостью.

Он наклонился, поднял обеими руками деревянное ведро и резко опрокинул его себе на голову.

Плеск!

Прохладная вода мгновенно смыла пот и потекла по спине, а затем закапала на каменные плиты под ногами.

Кап. Кап. Кап.

— Помочь спине потереть?

— А?

Гу Чэньюй стёр воду с лица, прищурился и повернулся, не расслышав. Лишь спустя мгновение понял, что сказал Фу Сыюань, и невольно растрогался.

А-Тан всегда был невероятно заботливым. В прошлой жизни и в доме умел управиться, и готовил прекрасно. Будь он женщиной — Гу Чэньюй первым выбрал бы его в спутницы Дао. Жаль.

— Не надо, не надо... Лежи и не двигайся, — худой юноша замахал руками и босиком подошёл ближе. — Ты больной человек. Иди отдыхай.

— В доме душно. Можно я посижу у двери подышу воздухом? — Отказ Фу Сыюаня не расстроил. Он опёрся плечом о косяк, слегка поднял подбородок и всё тише спросил: — Можно?

— Можно-можно-можно...

Фу Сыюань молча наблюдал за ним. Гу Чэньюй ничего не замечал и продолжал радостно улыбаться.

□Парень, тебе не кажется, что твой брат как-то странно на тебя смотрит?□

Гу Чэньюй отмахнулся:

— Что тут странного? Он столько лет так смотрит. Старший, не надо нести ерунду с открытыми глазами.

Линлинци замолчал и открыл свой драгоценный плейлист. Ему ужасно хотелось включить «Брат, обними меня».

□Кхе-кхе, Чэньюй, а потом я дам тебе сборник телесных техник нашей школы Хайтан, хорошо? Отлично укрепляют тело. Например, там есть... кхм... разные парные упражнения...□

Гу Чэньюй его проигнорировал.

Не слышу, не слышу — черепаха читает сутры.

□Ещё пожалеешь, что не выучил. Правда.□

Гу Чэньюй всё равно не ответил. Он быстро закончил мыться, и тут на голову ему набросили полотенце.

— М-м? Что?

— Не двигайся. Ночью сырость и прохлада, простудишься.

Фу Сыюань старательно вытирал ему волосы, пропуская пальцы сквозь чёрные пряди. Из-за скудного питания Гу Чэньюй сейчас был ещё тощим подростком. Хотя они были ровесниками, рядом с Фу Сыюанем он видел перед собой почти один подбородок. Гу Чэньюй незаметно приподнялся на носки, добавляя себе два цуня роста.

Не спеши, не спеши. В восемнадцать вырасту.

Не спеши, не спеши, не спеши, не спеши...

□♪ Спешу-спешу-спешу, ba-baby, спешу-спешу-спешу, ba-baby!□

Гу Чэньюй: ...Старший, что это ещё за ужасная песня?

— Стой ровно. Зачем на носки встал?

Прижатый обратно Гу Чэньюй глухо заявил:

— Настоящий мужчина должен стоять между Небом и Землёй.

Фу Сыюань тихо рассмеялся, вернул его на место и продолжил вытирать волосы.

Гу Чэньюй смотрел на его сосредоточенное лицо и совершенно естественно расслабился. Ясные глаза внимательно изучали старого друга.

— А-Тан?

— М-м?

— После моей смерти в прошлой жизни... где ты меня похоронил?

Фу Сыюань опустил взгляд.

— На горе Сюэцзи недалеко от города Уван. Однажды во время странствий мы проходили там, и ты сказал, что снежный пейзаж очень красив. Я запомнил.

— Наши души были связаны. После твоего ухода я остался у твоей могилы, а вскоре моя первичная душа рассеялась.

— Это я погубил тебя.

Гу Чэньюй замолчал. В груди защемило, но почти сразу он приободрился и похлопал себя по груди.

— Раз нам дали прожить ещё одну жизнь, значит, таково благоволение Небес. Не волнуйся. В этот раз такого не случится. Мы обязательно вместе достигнем Великого Пути!

— Кстати, что стало с Лю Шияо?

— Не знаю.

— А с моим учителем?

— Не знаю.

— А Оуян Цзин и остальные?

— Не знаю.

Трижды подряд услышав «не знаю», Гу Чэньюй подавился словами.

— Ладно... Прошлые сны лучше оставить в прошлом. Побудем в деревне ещё несколько дней, переждём пятнадцатое число, а потом двинемся на восток, к секте Сюаньюэ... Я обязательно тебя защищу.

В прошлой жизни вечером пятнадцатого дня третьего месяца всю деревню Саньси неизвестно что вырезало до последнего человека. Тела лежали повсюду. Гу Чэньюй спасся лишь потому, что ушёл в горы за травами. Каждый раз, вспоминая об этом, он чувствовал острую боль. В этой жизни он во что бы то ни стало защитит деревню!

Ночь становилась глубже. За окном громко стрекотали насекомые.

В темноте взгляд Фу Сыюаня остановился на юном профиле Гу Чэньюя, медленно обводя знакомые черты. Гу Чэньюй тоже повернул голову и понизил голос.

— Не спишь? — Юноша ладонью прикрыл Фу Сыюаню глаза. — Спи давай, А-Тан.

Они теснились на маленькой кровати, плечом к плечу и ногой к ноге, под одним одеялом.

— Спи, спи...

В лунном свете глаза Гу Чэньюя казались особенно яркими, а лицо, наоборот, слегка расплывалось во мраке.

Примерно через четверть кэ он едва слышно позвал:

— А-Тан? А-Тан, А-Тан?

— А-Тан, ты спишь?

— Если спишь, пискни.

— Пи-пи-пи...

Ответа не последовало. Лицо Фу Сяюаня оставалось спокойным.

Гу Чэньюй с облегчением выдохнул. Похоже, действительно уснул. Он приподнялся и начал подбадривать себя.

Они оба мужчины. Пара коротких поцелуев ничего не значит. Просто губами к губам.

Без патронов пистолет бесполезен. А без пистолета чем ему защищать деревню? Вспомни Сяохуа, Эрню, брата Шуйшэна, дедушку У, тётушку Хуа, дядю Чэня, А-ма!

Гу Чэньюй сложил ладони и снова и снова перечислял про себя имена, медленно наклоняясь всё ближе.

Сяохуа, Эрню, брат Шуйшэн, дедушка У, тётушка Хуа, дядя Чэнь, А-ма, Сяохуа, Эрню, брат Шуйшэн, дедушка У, тётушка Хуа, дядя Чэнь, А-ма...

Между их губами оставалась едва заметная щель, когда Гу Чэньюй резко застыл и тут же отпрянул, мучительно закрыв лицо руками.

Не могу, не могу, нет, не выходит. Не могу я его поцеловать.

□Может, песню тебе включить для храбрости? ♪ Смелее, смелее, мой друг~ даже если завтра не будет радуги!□

Гу Чэньюй с деревянным лицом спросил:

— Старший, нельзя поменять объект задания? Почему обязательно мужчина? Я правда не могу заставить себя целовать брата.

□Не~ль~зя~. Фу Сяюань красивый, ты ничего не теряешь.□

— В этом-то и проблема! Он слишком красив. Будь он хоть похож на нежную красавицу, я ещё мог бы себя обмануть. Но он же именно красивый мужчина!

Юноша свёл большой и указательный пальцы, оставив между ними крошечный промежуток, и сложным тоном сказал:

— Ему всего чу-уточку не хватает, чтобы быть таким же красивым, как я.

□...□

Линлинци потерял дар речи. Немного подумав, он сказал:

□Ближайшая сюжетная точка — трагедия деревни Саньси. Она произойдёт через десять дней. Ты прекрасно знаешь, что случится. Если не станешь сильнее, не сможешь защитить важных для тебя людей.□

Гу Чэньюй стиснул зубы и зажмурился.

Сяохуа, Эрню, брат Шуйшэн, дедушка У, тётушка Хуа, дядя Чэнь, А-ма, Сяохуа, Эрню, брат Шуйшэн, дедушка У, тётушка Хуа, дядя Чэнь, А-ма!

Дайте мне силы!

Чмок-чмок-чмок — Гу Чэньюй молниеносно поцеловал Фу Сыюаня три раза, после чего уныло свернулся в комок и отказался разговаривать.

Моя невинность пропала.

Невинность пропала.

Пропала.

Пала.

Всё.

Я немножко умер.

Красивое лицо юноши покраснелось — исключительно от злости. Он сердито бормотал себе под нос, ругался, ругался, а потом его сморил сон, и после пары невнятных звуков он погрузился в сладкие сновидения.

Во сне было одно:

Назад! Назад! Назад! Брат, назад! Назад! Назад!

□Ежедневное задание «Поцелуй повсюду» выполнено.□

□Выдано патронов ×3. Заберите самостоятельно.□

— Чэньюй?

— ...

Человек, который вроде бы уже спал, открыл глаза. В их глубине царил тёмный, непроницаемый мрак. Фу Сяюань позвал его совсем тихо, и голос был лёгким, словно ивовая пушинка на поверхности озера.

<http://bllate.org/book/19829/1959929>